

Марина
СЕРОВА

Черная
КОШКА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Черная кошка

«Научная книга»

2008

Серова М. С.

Черная кошка / М. С. Серова — «Научная книга»,
2008 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Надо же было частному детективу Татьяне Ивановой так подставиться – гоняться за главным подозреваемым, чтобы в итоге оказаться арестованной... за его же убийство! К Ивановой обратился полковник МВД Кирьянов по просьбе своего друга. От знаменитой сыщицы требовалось найти девочку, чьи родители умерли. Отец оставил дочке наследство, на которое, казалось бы, никто не претендует. Но свято место пусто не бывает, обнаружились и другие соискатели. Похитили сироту, а теперь всерьез занялись Татьяной...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова

Черная кошка

Глава 1

- Да вы только посмотрите, какие они хорошенькие!
- Да зачем они мне?
- ...какие пушистенькие...
- Да куда я их?
- ...даже посмотреть – одно удовольствие!
- Да мне и ухаживать за ними будет некогда...

Так, без особого успеха, пыталась я отбиться от своих очередных клиентов, для которых только что закончила расследование и которые упорно настаивали, чтобы в дополнение к гонорару я непременно взяла в подарок котеночка.

Эти люди занимались, в виде хобби, разведением персидских кошек и очень расхваливали мне очередной приплод, постоянно употребляя при этом слово «экстремаль». По-видимому, это должно было означать, что получившиеся котята очень чистой породы, но у меня всякий раз так и чесался язык сказать, что в моей профессии экстрима мне хватает и без котят. Но я сдерживала свое желание, чтобы не обидеть людей, которые от чистого сердца предлагали лучшее, что у них есть.

Котята действительно были очень симпатичные и до невозможности пушистые, но я твердо помнила, что при моем образе жизни, если я захочу завести домашнее животное, мне обязательно придется нанимать специального человека, который бы ухаживал за ним. Просто для того хотя бы, чтобы несчастное животное не померло голодной смертью в то время, как я целыми сутками буду гоняться за очередным негодяем. Поэтому, как можно более вежливо и тактично разъяснив, что при всем желании не могу принять такой дорогой подарок, я наконец оказалась на улице.

Стоял чудесный июньский день. Дело оказалось не слишком сложным, я не чувствовала особой усталости, и, по-видимому, этот фактор в сочетании с хорошей погодой и только что полученным гонораром пробудил во мне давно забытое детское желание погулять. Просто побродить по улицам, ни о чем не думая и наслаждаясь свежим воздухом.

Но тут мне пришла мысль, что, если я в полном одиночестве буду без всякой определенной цели слоняться по улицам, окружающие могут неправильно меня понять. Поэтому я решила погулять несколько иначе.

«Проедусь до центра, – подумала я, – а там устроюсь за столиком какого-нибудь уличного кафе, закажу себе кофе и буду курить и глазеть на прохожих, как в добрые студенческие времена, когда мы сбегали с лекций».

Сказано – сделано. Минут через двадцать я уже шла по одной из центральных улиц нашего города и высматривала для себя подходящее местечко среди многочисленных летних кафе, которые по случаю теплого времени года размножились как грибы после дождя.

Вдруг я заметила нечто такое, что заставило меня на минуту остановиться. В середине недели, в самый разгар рабочего дня за столиком одного из кафе сидел не кто иной, как мой старый друг Владимир Сергеевич Кирьянов, подполковник милиции и чрезвычайно занятой, а главное, дисциплинированный человек.

Пока я раздумывала над тем, какие же такие из ряда вон выходящие обстоятельства заставили Кирю в рабочее время покинуть свой кабинет и стоит ли мне сейчас обнаруживать свое присутствие и здороваться с ним, он сам меня заметил и замахал рукой, чтобы я подошла.

– Татьяна! Вот кстати! Присаживайся, разговор есть.

За столиком, кроме Кирьянова, сидел еще один человек. Это был мужчина средних лет и довольно плотного телосложения, с очень озабоченным выражением лица. Повнимательнее приглядевшись, я заметила то же самое выражение крайней озабоченности и на лице у Кири.

– Вот, познакомься, пожалуйста, Николай Петрович Семенов, мой старый друг и вообще хороший парень. Коля, это Татьяна. Я не успел рассказать тебе... Ну, в общем, тоже можно сказать, – старая подруга...

– Старая?

– Ну, не так буквально... в смысле – давняя, – невнимательно оправдывался Кирия, мысли которого, совершенно очевидно, были заняты чем-то другим.

Я поняла, что собеседники заняты какой-то действительно серьезной проблемой и им сейчас не до шуток.

– ...да... подруга... – продолжал Кирия. – Подруга, можно сказать, боевая. Не один пуд соли вместе довелось... съесть... да-а... Работала одно время у нас, сейчас трудится самостоятельно. Думаю, это как раз то, что тебе нужно.

– Минуточку, – решила я вмешаться в эту ностальгическую речь. – Может быть, и меня кто-нибудь посвятит в суть дела? Возможно, и даже очень вероятно, что я – именно то, что кому-то нужно, но, думаю, не помешает поинтересоваться и тем, что нужно мне.

– Извини, Таня, мы тут все о своем... Конечно, Коля сейчас объяснит тебе. Но сначала скажи, как у тебя со временем? Расследуешь сейчас что-нибудь?

– Только что закончила дело.

– Вот как? Ну что ж, это очень хорошо.

– Полагаешь?

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что «старый друг и хороший парень» Коля обратился к Кирьянову с какой-то своей проблемой, которую тот по каким-то пока неизвестным мне причинам считает более удобным перепоручить мне. Именно поэтому он поинтересовался, нет ли у меня сейчас какого-нибудь дела. И именно поэтому его, конечно же, совершенно не интересует, что, только что закончив расследование, я хотела бы немного отдохнуть.

– Конечно, хорошо, – подтвердил мои догадки Кирия. – Ведь если ты сейчас свободна, то, значит, сможешь нам помочь.

Разубеждать его было бесполезно.

– И чем же? – без особого энтузиазма поинтересовалась я.

– Видишь ли, тут такое дело... Коля... ему нужно найти одного человека... девочку. Но проблема в том, что эта девочка ему... ну, как бы это сказать... в общем, никто. То есть принимать от него официальное заявление о розыске мне даже не имеет смысла. Потому что, сама понимаешь, – на каком основании? И что хуже всего, родственников, которые могли бы такое заявление представить в официальном порядке, у этой девочки нет. В общем, она сирота. Ну вот. А найти ее нужно обязательно. Потому что последствия могут быть... самыми печальными. Поэтому, на мой взгляд, наиболее эффективным здесь будет действие по неофициальным каналам, и ты, как частный детектив, сама понимаешь... оптимальный вариант. Я, разумеется, чем смогу, всегда помогу тебе – конечно, если ты возьмешься. – Кирия вопросительно посмотрел на меня.

– Хм... даже не знаю. Я ведь дело-то закончила вот только что. Не знаю...

– Об оплате не волнуйся, с этим проблем не будет, – поспешил успокоить меня Кирия, и поспешил совершенно напрасно, потому что мог бы и сам догадаться, что уж его-то просьбу я могла бы выполнить и не ставя во главу угла этот вопрос.

Я совсем уже было собралась обидеться и наговорить старому другу кучу колкостей по поводу товарно-денежных отношений, но снова остановилась. Внутреннее чутье все время

подсказывало мне, что ситуация сейчас совсем не такова, чтобы придирааться друг к другу по пустякам. Если уж Киря забросил все свои неотложные дела, чтобы встретиться с этим человеком, значит, на то были серьезные причины. Поэтому, стараясь сохранять спокойствие и нейтральный тон, я сказала:

– Ну, прежде чем говорить об оплате, думаю, мне не помешает узнать обстоятельства дела.

– Да-да, конечно, – заторопился обрадованный Киря. – Коля сейчас все тебе расскажет. Давай, Коля, с самого начала, ведь Таня совсем не в курсе.

– Ну что ж, сначала так сначала, – все с тем же озабоченным и печальным видом произнес Семенов. – Но если сначала, то рассказ будет длинным. Может, заказать вам что-нибудь?

– Кофе, если можно.

– Да, разумеется.

– Мы дружили с детства, – начал он свой рассказ после того, как принесли кофе, – две девчонки, двое мальчишек. Все жили в одном дворе, в школу вместе ходили... Да и после того, как разъехались по всей стране в институты поступать, то и тогда отношения поддерживали. И переписывались, а уж летом, на каникулах, обязательно встречались. Или все вместе в каком-нибудь стройотряде работали, или на отдых ездили вместе. В общем, компания была... закадычная. Даже когда девчонки наши повлюблились в своих будущих мужей, а мы с Сашкой – в своих жен, мы и тогда продолжали дружить. Только компания увеличилась: каждый приводил свою вторую половинку. Вот интересно, какие близкие и дружеские у нас были отношения в компании, а семейных пар не получилось. Каждый себе на стороне нашел. А еще говорят, что настоящей дружбы не бывает... Ну, впрочем, это к делу не относится. Когда мы все окончили свои институты, почти у всех уже были дети, жили мы в разных городах и, разумеется, таких тесных отношений, как раньше, поддерживать не могли. Но все равно из вида друг друга не теряли, и в общем и целом каждый был в курсе того, как живут остальные.

Все это я вам рассказываю для того, чтобы вы не удивлялись тому, что судьба Насти совсем не безразлична мне... Но, впрочем, обо всем по порядку. Обо всех членах нашей компании я вам, конечно, рассказывать не буду. Расскажу только про Галю, потому что именно она – одно из главных действующих лиц в этой истории. Полное имя – Титова Галина Георгиевна, возможно, это вам понадобится. Девчонка она была компанейская, училась неплохо, особенно по математике. Мы всегда у нее списывали... Главной ее идеей было вырваться из нашей провинции в Москву. Она носилась с ней просто как с писаной торбой. Неважно, куда поступать: в институт, в техникум, – лишь бы в Москве. Ну и поехала. Для начала, конечно, документы подала в институт. Училась-то хорошо... несолидно с техникума начинать. Но мыслила она всегда реально, поэтому в МГИМО не пошла, а подала в какой-то то ли лесоторговый, то ли лесопромышленный. В общем, где конкурс маленький. Ну и поступила. Приехала после этого гордая такая – я, мол, в Москве учусь... Поприкалывались мы над ней, что, мол, и в Москве умудрилась лесную трущобу найти, и успокоились на этом. А она два года проучилась, а на третий возьми да и влюбись. И, разумеется, не в москвича, а в какого-то парня из Сибири. Он-то в этот институт, как говорится, по призванию пошел и после окончания собирался обратно в свою Сибирь ехать, но уже подкованным, в смысле наук, на все четыре колеса. Ну и угодила наша столичная львица вместо Москвы в самую что ни на есть глухомань.

Вот уж тогда мы душу-то отвели! Как только ее, бедную, не обсмеивали. А муж ее, Дима, Дмитрий Колобков, – ничего, говорит, дайте срок, мы, сибирские, еще всю вашу Москву с потрохами купим. И что вы думаете? Как в воду глядел! Москву, конечно, он не купил, но в девяностые так развернулся, что лесом чуть не со всей Россией торговать стал. Дальше – больше. Сам в Ленинград переехал, – впрочем, тогда он уже Петербургом стал называться, – а лес и в Европу начал возить.

Но, как часто бывает у нас в России, только с одного боку поперет человеку счастье, а с другого уже тут как тут подстерегает беда. У Гальки уже дочка маленькая была, когда обнаружили у нее туберкулез. У нее в этом плане наследственность была опасная, отец от этого умер, но с ней вроде всегда все в порядке было... Думаю, может быть, постоянные переезды ей иммунитет подорвали – то из Тарасова в Москву, то из Москвы в Сибирь, – а в Сибири климат, сами понимаете... Ну вот. А уж тут, как водится, где тонко, там и рвется. Обнаружили у нее вначале закрытую форму. Ну, лечили, конечно. Деньги у них были, с лекарствами и докторами проблем не возникало, привозили самых лучших... Любил он ее, Димка. Потом, когда в Питер переехали, думали, что здесь цивилизация поближе, врачи получше... надеялись. Только вышло по-другому. Врачи врачами, а климат питерский окончательно Галину доконал. Туберкулез принял открытую форму, и двух месяцев не прошло, как оказалась подружка моя на кладбище. Димка нам всем телеграммы прислал, все приехали... Осталась у него дочка, Настя, совсем маленькая. А тут бизнес, дела, сами понимаете. Нанял он ей сиделку. Посидела-посидела эта сиделка, да и заарканила себе этого добра молодца.

Я и на свадьбе был. У меня в то время часто дела в Питере находились, – тоже пытался бизнес развернуть, – так что я обо всей этой истории лучше всех наших был информирован. Ну, Димка узнал, что я в городе, пригласил меня. Мужик он, в общем-то, неплохой был... Но обо всем по порядку.

Мадам эта не понравилась мне с первого взгляда, и, как выяснилось впоследствии, первое впечатление меня не обмануло.

На свадьбе, перекидываясь словом то с одним, то с другим, я, между прочим, узнал, что еще до встречи с Дмитрием в биографии Эльвиры случился один довольно неприятный инцидент, который, на мой взгляд, весьма красноречиво характеризует ее жизненные принципы. Дело в том, что она уже была замужем. Муж ее был вполне успешным предпринимателем, жили они богато – квартира в центре, дача, иномарки... ну, и так далее. Но в девяностые годы, когда шла вся эта неразбериха и когда, кстати, Дима так удачно сумел подняться, муж Эльвиры, наоборот, попал в очень нехорошее положение. Подробностей я не знаю, потому что эту историю рассказал мне один из приятелей Эльвиры, будучи уже не очень трезвым, но итог мне известен. В конце концов бедному предпринимателю, чтобы совсем не остаться без штанов, пришлось в спешном порядке все имущество, оставшееся после разборок с «братками», переписать на имя жены, а самому, в ходе разборок уже с государственными органами, отправиться на некоторое время в места не столь отдаленные.

А дальше все произошло очень просто. Отсидел муженек положенное по закону и вернулся с радостью и надеждой в родные пенаты. Только там его уже никто не ждал. Жена, которая за это время успела с ним развестись, сделала вид, что и не знает, кто он такой, а когда он заикнулся о своих деньгах, пригрозила второй отсидкой. Понятно, что человек, только что вышедший из тюрьмы, без денег, без жилья, без работы, – очень удобная жертва, и чтобы посадить его по новой, не нужно даже особенно стараться.

Но, видимо, человек этот был волевой, потому что так сразу он не сдался. Он не пытался отнять свои деньги у бывшей жены (что, по-моему, тоже очень красноречивая характеристика), а захотел снова подняться, занимаясь бизнесом. И сначала даже что-то у него пошло, но, сами понимаете, – время прошло, старые связи утеряны, да к тому же время это он провел не где-нибудь, а в тюрьме. Того уважения и авторитета уже не было, и новый бизнес очень быстро сошел на нет. Стал он попивать, завел и знакомства соответствующие, ну и пошло-поехало, как это часто на Руси бывает. На тот момент, когда рассказывали мне эту историю, жил он у матери, нигде не работал, постепенно продавал, что было в доме, и, как говорится, не просыхал.

Вот такая история. Но, думаю, если бы вы увидели эту Эльвиру, то сами бы все поняли, потому что все было написано у нее на лице. Дамы, которые были приглашены на свадьбу и которые, конечно же, хотели блеснуть своими украшениями, все до единой были буквально

сканированы ее очень остренькими глазками, и, не сомневаюсь, стоимость всех их бриллиантов, рубинов и бирюзы была тут же определена до копейки. Я, грешным делом, думаю, что и в сиделки-то к Димке она в свое время не просто так попала. Наверняка справки навела, да и... Но, впрочем, обо всем по порядку.

Не прошло и полгода после свадьбы, как Настену она от себя удалила. Уж не знаю, как она Димке объяснила и чем ей маленький ребенок помешал, но вскоре узнал я, что живет девочка у бабушки с дедушкой. То есть у Галиных родителей. Ну, я пошел было ее навестить, да не так-то это оказалось просто. Адрес старый мне напоминать не нужно было – сам там жил. Но, как выяснилось, старики после ее смерти оттуда переехали. В какую-то деревню, а в какую – никто не знает. Еле-еле, через десятыи руки нашел я адрес. Оказалось, живут они под Тарасовом, в Тополевке. Ну, съездил к ним, узнал, что да как. И про девчонку спросил, чем, мол, помешала? Ответили, что новая жена ходит беременная и боится, что Димка, мол, не будет так любить ее ребенка, если перед глазами все время будет Галькин. Насколько я понял, она с ним не скандалила, а решила все по-тихому. Мол, у бабушки с дедушкой Насте будет хорошо: и на свежем воздухе, да и старикам отрада. В общем, для всех только лучше. А нуждаться она ни в чем не будет, потому что деньгами они будут ей помогать. Вот так. Девчонку выставила, а вскоре и мужа в другую страну перетащила.

Еще тогда, на свадьбе, Димка говорил, что как у Гальки была навязчивая идея вырваться в Москву, так у Эльвиры – уехать за границу. Ну и в конце концов своего она добила. Димка в последнее время очень активно с Финляндией работал, там и на дерево спрос всегда хороший, и граница рядом, да и вложиться выгодно можно. У него там и деревообрабатывающий завод был, и еще что-то... я подробно не интересовался. Но факт тот, что капитал очень приличный. Ну и перетянула она его. «Почему, – говорит, – все основное производство у тебя в Финляндии, а сам ты до сих пор еще в России лаптем щи хлебаешь?» В общем, уговорила.

Я пытался было на него повлиять – объясни, мол, ты ей, ну какая это за граница, Финляндия, да это глушь, хуже Урюпинска, тем более по сравнению с Санкт-Петербургом. Но толку никакого. Если уж бабе что в голову втемяшится... Впрочем, это к делу не относится.

Переехали они, месяца три пожили – и новый сюрприз. Обнаружились у Димки проблемы по онкологии... да-а... Вот судьба! Казалось, всего человек добился – и деньги есть, и семья, и все вроде бы хорошо, а вот... на тебе. Конечно, и тут тоже... и лечили его, и лекарства дорогие покупали, но, как и с Галькой, все было без толку. Месяцев пять, кажется, прожил он еще. Сгорел, как щепка.

Теперь должен вам сказать, Татьяна, что весь этот длинный и не очень веселый рассказ к настоящей истории – только присказка. Именно после этой последней смерти и начинается самая запутанная и, как я опасуюсь, криминальная драма: дележка наследства. Наследство, как я уже говорил вам, после Дмитрия осталось не маленькое, и разделил он его поровну между своими детьми – Настей, дочерью от его первой жены, Галины, и Дмитрием, сыном от второй жены, Эльвиры. Поскольку оба ребенка еще не достигли совершеннолетия, мальчику был назначен опекун в лице его матери с достаточно широкой свободой распоряжения средствами, а девочке, согласно завещанию, должен был быть определен опекун из числа сотрудников адвокатской конторы, в которой и было написано завещание. Причем условия этого опекунства составлены так, что нет абсолютно никакой разницы, кто именно будет выступать в качестве опекуна, поскольку полномочия его очень ограничены и по сути заключаются в чисто технических функциях. То есть Дима постарался предпринять все возможное, чтобы после его смерти ничто и никто не мог ущемить интересы его дочери, перед которой он, возможно, чувствовал себя виноватым, и, как вы, наверное, сами заметили, постарался не вмешивать сюда свою вторую жену.

Завещание составлено в законном порядке, причем именно по законам Финляндии. В некоторых случаях они гораздо жестче, чем российские. В частности, и в том, что касается

защиты интересов детей, тем более несовершеннолетних и оставшихся без родителей. Поэтому нарушить условия завещания будет не так-то просто... но... Боюсь, что не смогу логически объяснить вам это, но меня не покидает предчувствие, что найдутся люди, которые постараются их нарушить. Очень уж крупная сумма поставлена на кон.

В общем, чтобы не искушать судьбу, я решил забрать Настю от бабушки с бабушкой. Все-таки Галя была мне близким человеком, и я бы всю жизнь чувствовал себя виноватым, если бы с ее дочерью что-нибудь случилось. Поживет какое-то время у нас, думал я, подружится с моими детьми... И уж конечно, у меня она будет гораздо лучше защищена, чем с пожилыми людьми в глухой деревушке.

Но, когда я приехал в Тополевку, оказалось, что около года назад старики друг за дружкой сошли в могилу, а Настю отдали в детский дом. Как я себя ругал тогда! И за то, что совсем выпустил из вида девочку, и за то, что так быстро успокоился, увидев в тот свой приезд, что материально они обеспечены и действительно ни в чем не нуждаются. Дима открыл на имя Насти счет, поскольку не мог часто приезжать сюда, и на этот счет регулярно перечислялся определенный процент с прибыли его предприятий... или какого-то из предприятий. Точно я сейчас не помню, я и тогда не очень внимательно слушал. Для меня главным было выяснить, что девочка ни в чем не нуждается и за ней есть кому присматривать. Когда я узнал это, еще в свой первый приезд, то вполне успокоился и посчитал свой, как говорится, долг перед старой подругой выполненным. Вот так. Успокоился, забыл, закрутился в делах, а когда вспомнил, было уже поздно. Разумеется, никто не мог толком объяснить, в какой именно детский дом отправили Настю. «Где-то в Тарасове» – вот самый внятный ответ, который мне удалось получить.

Тогда я вспомнил о своих дурных предчувствиях. Если вторая часть наследства записана на Настю, то, разумеется, тот, кто захочет претендовать на эту часть, для начала должен будет заполучить саму Настю. Поэтому не исключено, что девочку начнут искать. Если уже не начали. И что с ней будет, когда ее найдут... я даже думать об этом не хочу! Конечно, Дмитрий наверняка постарался составить завещание так, чтобы в нем не было лазеек для вмешательства в интересы Насти. Но ведь всего не предусмотреть. Например, те же адвокаты из этой самой финской конторы могут представить девочку душевнобольной или неполноценной по каким-то иным критериям и на этом основании выговорить себе более широкие права в распоряжении наследством. Но это в лучшем случае. Плохо то, что куда легче будет просто устранить беззащитную маленькую девочку, не имеющую на всем белом свете ни единой родной души. Понимаете – физически устранить! Нанять здесь какого-нибудь подонка... они вон за дозу родную мать готовы удавить. Что уж говорить о детдомовке...

В общем, положение отчаянное, и если мы не найдем Настю, то... может произойти все, что угодно. Ну почему я не позаботился об этом раньше, почему упустил ее из виду?

Последние слова Семенов произнес, обращаясь как бы к самому себе, и с выражением полной безнадежности уставился в пространство.

Выслушав эту историю, я подумала о том, что хотя сами по себе подозрения, зародившиеся в душе моего собеседника, несомненно, дают повод для беспокойства, но вот основания для таких подозрений, особенно с точки зрения профессионала, несколько сомнительны. Ведь все эти черные замыслы, которые господин Семенов приписывает загадочным недоброжелателям Насти, существуют пока только в его воображении. Никаких фактов, доказывающих, что все произойдет именно так, а не иначе, он, как я догадываюсь, представить сейчас не готов.

Но я видела, что человек, сидящий передо мной за столиком кафе, вполне солидный и серьезный и он не на шутку озабочен вставшей перед ним проблемой. Поэтому я не стала вести бесполезных разговоров о том, реальна или нереальна проблема, озаботившая моего собеседника, а обратилась к ее сути.

– Ну что ж, – сказала я. – Если девочка осталась одна и некому позаботиться о ее интересах, то в любом случае будет лучше найти ее и убедиться, что с ней все в порядке. Даже если в отношении ее никто не вынашивает таких черных замыслов, как вы предполагаете. Кстати, вот еще вопрос: почему вы думаете, что предполагаемые недоброжелатели именно захотят найти саму Настю? Ведь убийство – это не шутки, тем более убийство ребенка, а вы, если я вас правильно поняла, склонны подозревать именно такие намерения? Не проще ли было бы смухлевать что-то с документами? Ведь, в конце концов, Настя здесь, завещание – там... Финляндия далеко.

– Думаю, что нет. Во-первых, мухлевать с завещанием имело смысл до того, как текст его стал известен. Теперь это сделать намного сложнее, и, скорее всего, в любом случае подлог будет очевиден. Во-вторых, в Финляндии у людей несколько иной менталитет, чем в России, и там такие вещи, в общем-то, не приняты. Если какому-либо чиновнику или даже клерку адвокатской конторы предложат сделать что-либо противозаконное, то он скорее заявит в полицию, чем возьмет взятку. То есть риск очень велик. Я немного работал с финнами, поначалу, когда только создавал свое дело, возил оттуда обувь. Они делают качественно, и у нас она неплохо продавалась. Так вот, финны хоть и туповатые немного, но дотошные, что есть, то есть. В документах, в любой бумажке каждую запятую двадцать раз перепроверят. Тем более если речь идет об интересах ребенка. Поэтому, когда я все эти факты сопоставил, я и подумал, что самое простое и эффективное для тех, кто захочет заполучить наследство вместо Насти, это именно... физическое устранение девочки. А придя к такому выводу, сами понимаете, я забеспокоился.

– Что ж, понятно. Значит, смошенничать с самим завещанием в данном случае будет сложно.

– Если не сказать – невозможно.

– Между прочим, а откуда у вас такая подробная информация о самом завещании? Обо всех этих опекунах? Это ведь, наверное, сведения закрытые?

– Ну, в общем, да, но... Я ведь говорил вам, что у меня по бизнесу есть связи и в Питере, и в Финляндии. Я и с самим Димкой немного работал. Видите ли, когда начинаешь дело, чтобы не прогореть, приходится хвататься за все, что под руку подворачивается. Вот и я чем только не занимался! Торговал всем, чем можно было, заправки держал, кафе... игровые автоматы даже. Диверсификация, так сказать. Это потом, когда фирма более-менее окрепла, встала на ноги, появилась возможность ограничить сферу деятельности и заниматься немногим, но серьезно, в крупном масштабе. Сейчас я вожу комплектующие для компьютеров, ну, и по связи работаю... да вам это неинтересно, конечно. Я все это к тому говорю, что с Димкой у нас, кроме всего прочего, были общие дела по бизнесу, ну и, разумеется, имелись общие знакомые. И, собственно, информацию эту я и получил от одного такого знакомого, совсем недавно, в последний свой приезд в Петербург. Получилось все нечаянно совсем. Просто разговорились – что да как. Для меня и сама смерть Димы была новостью просто шокирующей. А потом и о завещании знакомый рассказал. Сам он в Петербурге живет, но в Финляндию часто ездит. Тоже по делам. А ведь за границей русские все друг друга знают... А они к тому же, как говорится, с Димой семьями дружили. Ну, то есть больше жены, конечно... общались. Ну вот, от своей жены он все это и узнал. Она к Эльвире зашла, как водится, навестить да поболтать, та ей и рассказала... новости последние. Так что, в сущности, информация о завещании – это со слов самой Эльвиры, поэтому, возможно, нуждается в уточнении.

– А если действительно возникнет необходимость в таком уточнении, как вы думаете, можно будет сделать это, не привлекая излишнего внимания?

Семенов задумался.

– Даже не знаю, что вам ответить, – после небольшой паузы сказал он. – Ведь Финляндия и вправду далеко, тем более такое... сугубо частное дело. Правда, есть у меня парень один...

он на таможне работает, но связи у него, по-моему, во всех инстанциях есть. Такой крученный, даже на финна не похож. Больше на итальянского мафиози. Он мне помогал пару раз... в сомнительных случаях. Если это действительно необходимо, я могу связаться с ним и проконсультироваться, сможет ли он чем-нибудь помочь.

– Подобную информацию можно запросить в официальном порядке, – вставил свое веское слово Кирия.

– Запросить, Кирочка, конечно, можно, но если ты будешь действовать в официальном порядке, то об этом запросе будут знать очень многие посторонние лица, в том числе и возможные недоброжелатели, о которых говорит Николай. А если они действительно вынашивают какие-то идеи насчет наследства, это заставит их быть осторожнее и усложнит нам работу. Кроме того, подобный запрос будет связан с использованием международных дипломатических каналов, посольств и еще целого ряда организаций, каждая из которых захочет узнать, на каком основании ее беспокоят. А таких оснований ты, Кирочка, представить не сможешь, поскольку официально, как я понимаю, дело открыто не будет, – возразила я.

Мой старый друг сконфуженно кашлянул, и я поспешила вывести его из неловкого положения.

– Но зато есть одно направление, по которому ты очень легко можешь послать официальный запрос и даже довольно быстро получить на него ответ. Ведь если девочку действительно отправили в один из детских домов Тарасова, то нет ничего проще, как разослать подобные запросы во все имеющиеся в наличии детские дома. Думаю, их не так уж много. И вот тут наиболее успешным образом действия будет именно официальный. Перенапряжения усилий от твоих подчиненных это не потребует, а когда заведующие узнают, какая солидная организация запрашивает сведения, то они просто сразу же... тут же... немедленно все расскажут.

Видимо, уловив в окончании моей речи некий иронично-шутливый тон, Семенов сдвинул брови, чтобы продемонстрировать всю его неуместность.

– А если окажется, что девочки там нет? – спросил он не в бровь, а прямо в глаз, и у меня сразу пропала охота шутить.

– Ну, во-первых, мы будем узнавать не о том, есть она или нет, а о том, когда прибыла и когда выбыла. Если действительно выбыла. Ну и, разумеется, куда, с кем и по какой причине. Если же окажется, что ни в один из детских домов она даже не прибывала... что ж... тогда дело несколько усложнится. Да, дело усложнится, и тогда вам понадобятся услуги частного детектива, которые я... ну, в общем-то, готова вам предоставить.

– Боюсь, Танечка, что услуги частного детектива тебе придется предоставить нам уже сейчас, – сказал Кирия. – В настоящее время в нашей стране, как тебе известно, господствуют свобода и демократия, поэтому, кроме государственных детских домов, существуют еще и частные интернаты, а также детские дома семейного типа. Делать официальные запросы в такие учреждения я бы не спешил. Во-первых, они нам отчетом не обязаны, а во-вторых, если девочка попала туда в обход каких-нибудь инструкций... мало ли... какие-нибудь знакомые знакомых попросили, или что-то в этом роде, – тогда о том, чтобы получить достоверную информацию, нечего и думать. Мы только напугаем их, и все. Поэтому считаю, что на этой ниве придется потрудиться тебе.

В словах Кирия был свой резон.

– Что ж, надо будет потрудиться – потрудимся. Нам не привыкать. Только уж координаты всех этих частных заведений выясни, пожалуйста, сам. Тебе это и проще будет, да и быстрее.

– Выясню, нет проблем.

– Отлично. Тогда договариваемся так: вы, Владимир Сергеевич, подаете запросы в государственные детские дома и выясняете адреса частных; я занимаюсь отработкой этих частных, а вы, Николай, постарайтесь все-таки связаться с вашим знакомым с финской таможни и узнать у него, сможет ли он помочь нам с завещанием. Если окажется, что на долю наследства

Настя Колобковой действительно имеет претензии кто-то, кроме нее самой, то знать содержание завещания нам будет просто необходимо.

– Что скажешь, Коля, как тебе такой план? – спросил Кирьянов у своего друга.

– Вполне. Очень рад, Татьяна, что вы согласились помочь. А что касается оплаты ваших услуг, то с этим действительно, как уже заметил Володя, нет никаких проблем, и, в принципе, я даже сейчас могу...

– Давайте мы насчет оплаты договоримся так. Проехать по частным детским домам и расспросить, не появлялась ли там девочка, для меня не составит особенного труда. Думаю, что эту маленькую услугу я смогу оказать своему старому другу и бесплатно. К тому же если окажется, что девочка действительно находится в одном из детских домов, не важно, частном или государственном, и никакая опасность ей не грозит, то вопрос об оплате отпадает сам собой, поскольку в этом случае мне не придется ничего делать. Если же выяснится, что ее там нет... что ж, тогда будем считать, что подозрения ваши обоснованны, и мне действительно придется начать расследование. Вот тогда и поговорим об оплате.

– Хорошо, Татьяна, как скажете. Но, честно говоря, я предпочел бы заплатить хоть дважды, только бы выяснилось, что Настя цела и невредима, живет себе преспокойненько в каком-нибудь интернате и даже во сне не видит того, в какую тревогу привела ее судьба одного легкомысленного и непредусмотрительного дяденьку.

– Вам не в чем упрекать себя, Николай. Вы и так сделали много. Ведь все-таки это не ваш ребенок, а вы заботитесь, волнуетесь...

– Да в том-то и дело, что это – ребенок! Был бы это взрослый человек... У меня у самого трое, я как представлю кого-нибудь из своих в таком положении, просто сердце кровью обливается. Что может сделать ребенок? Как он защитит себя? Нет, я должен найти Настю и убедиться, что с ней все в порядке. Я ведь говорил вам, мы с Галькой с детства знакомы, да и другие ребята тоже... Мы вчетвером почти как родственники были... Если с кем-то что-то... проблемы какие-то... кто чем может, всегда старался помочь. А уж в такой ситуации и подавно. И потом, не говоря уже об отсутствии родственников, сейчас просто географически ближе меня у девочки никого нет. Я ведь говорил, что жизнь разбросала нашу компанию по всей России, так что остальные ребята сейчас за тысячу верст отсюда и при всем желании не смогут оперативно вмешаться. Думаю, они даже и не в курсе еще всего происшедшего. Я из-за всех этих дел еще никому не звонил, а кроме меня, от кого они смогут узнать? Нет, я должен найти Настю, обязательно. Окажется, что все мои подозрения – выдумки, ну и прекрасно, и очень хорошо. Я же первый над собой посмеюсь и за Настю порадуюсь. Но сначала нужно ее найти.

– Что ж, этим и займемся. Когда ты сообщишь мне нужные адреса? – обратилась я к своему подполковнику.

– Думаю, сегодня к концу рабочего дня уже смогу. Узнаю все адреса, и государственных домов, и частных, и разошлю запросы. Надеюсь, к завтрашнему вечеру по государственным уже придет ответ.

– А я надеюсь, что к завтрашнему вечеру смогу дать ответ и относительно частных. Не думаю, что частных детских домов у нас в Тарасове так уж много. Учитывая, что туда поступают дети без родителей, – читай: без спонсоров, – предприятия эти, по большей части, благотворительные, а следовательно, и желающих принимать в них участие много не окажется.

– В таком случае разбегаемся до завтрашнего вечера, – сказал Киря, с беспокойством поглядывая на часы. – Ты, Коля, понапрасну себя не мучай, может, еще все и обойдется. А тебе, Таня, я вечером отзвонюсь и сообщу, что удалось узнать насчет адресов. На этом, друзья мои, должен с вами попрощаться, поскольку я и так уже превысил все возможные и невозможные лимиты времени.

Киря наскоро пожал нам руки и тут же убежал.

Мой потенциальный клиент, Николай Семенов, тоже почти сразу ушел, а я еще посидела немного за столиком, чтобы хоть отчасти выполнить свою первоначальную легкомысленную программу – курить, попивать кофе и, ни о чем не думая, глазеть на прохожих.

Но ни о чем не думать теперь не получалось. В голове уже плотно сидела новая история, я машинально сопоставляла и анализировала услышанное и все пыталась определить, действительно ли в этой ситуации есть серьезные причины для беспокойства, или господин Семенов просто чересчур мнительный человек?

Так и не придя ни к какому заключению, я поехала домой. Слишком мало было у меня данных, чтобы делать заключения.

Глава 2

Вечером, как и обещал, позвонил аккуратный Киря и очень подробно и обстоятельно сообщил мне добытые им сведения о частных заведениях нашего города, предназначенных для воспитания подрастающего поколения. Таковых оказалось три штуки, и, разумеется, все они были расположены в противоположных концах города.

– Все это организовано на манер семейных детских домов. Все живут вместе, и свои дети, и приемные, а поскольку приемных много, – детский дом все-таки, – то, само собой, такой ораве в городской квартире было бы тесно. Поэтому подобные приюты у нас, как и везде, располагаются преимущественно в пригородной зоне. Там, я думаю, что-то наподобие коттеджа, ну, и к нему прирезан кусок земли. Это тебе – для лучшей ориентации на местности.

– Да уж сориентируюсь как-нибудь, – недовольно пробурчала я, прикидывая в уме, сколько раз мне придется заправляться, чтобы как-нибудь неожиданно не оказаться в такой вот местности, не тронутой тлетворным влиянием цивилизации, с пустым баком.

– Особенно обрати внимание на заведение на Лесной. Это единственное из всех, которое организовано как настоящий детский дом. Впрочем, расположение у него такое же, как и у остальных, но весь персонал наемный, и родственных отношений никто ни с кем не имеет.

– Ладно, обращу.

– Я выяснил, что этот детский дом открыл кто-то из наших удачливых бизнесменов, который и сам в свое время воспитывался в подобном доме. Видимо, под влиянием нерадостных воспоминаний захотел, чтобы хоть кому-то, у кого нет родителей, жилось более-менее сносно. Отзывы об этом заведении самые восторженные, ни в чем отказа там детишки не знают, и компьютеры-то у них, и домашние кинотеатры, а главное – никакого специального отбора. Кто-то из старшей группы выходит, как говорится, в большую жизнь, на его место берут первого попавшегося, хоть из приемника-распределителя, хоть еще откуда. Вполне возможно, что Настя могла попасть туда именно таким способом. Знаешь, как это бывает – этот одному сказал, тот другому... В общем, посмотришь.

– Посмотрю.

– И еще. Кроме детских домов, то есть предприятий, так сказать, узкой специализации, которые занимаются детьми, не имеющими родителей, я обнаружил заведение, где привечают детишек, у которых родители есть. И преимущественно родители богатые. Это тоже частная лавочка, работает на принципах интерната. Там, например, можно оставить ребенка, если вы надолго уезжаете, скажем, в заграникомандировку, и не хотите, чтобы ваше чадо прерывало учебный процесс. Сам же интернат действует пять с половиной дней в неделю, а в субботу, во второй половине дня, детей разбирают по домам на выходные. Все остальное время они проводят в интернате. Там специальная программа, правильный режим, обучение, отдых, питание, ну, и так далее. В общем, нечто вроде института благородных девиц. Находится все это в самом Тарасове, далеко ехать не надо, так что, если есть желание, можешь и туда заглянуть, поинтересоваться. Заведение очень закрытое, поэтому, если кто-то хочет спрятать там ребенка и имеет деньги (а если уж люди предпринимают такое хлопотное дело, как присвоение чужого наследства, да еще в чужой стране, несомненно, они имеют деньги), – лучшего места не найти.

– Знаешь, – ответила я, подумав немного, – не думаю, что этот твой интернат – то, что нам нужно. Ведь ты сам сказал – заведение это дорогое и, кроме того, оно не предусматривает постоянного пребывания в нем ребенка. Максимум – на период командировки. Настя же – сирота, и если брать ее, то надолго. А относительно того, чтобы спрятать там ребенка, то ведь для этого загадочный недоброжелатель сам должен был бы приехать сюда, а насколько я поняла...

И тут я действительно поняла, что ведь, в сущности, нам неизвестно, может ли кто-то из потенциальных претендентов на наследство Дмитрия Колобкова (кроме прямой наследницы, указанной в завещании) находиться сейчас в России.

– Послушай, Кирия, а если эти люди действительно здесь?

По сосредоточенному молчанию, которое повисло в трубке, я поняла, что мы со старым другом мыслим в унисон.

– Значит, нам следует поторопиться, – очень серьезно произнес он через некоторое время. – Так проверяем интернат?

– Нет. Если я правильно поняла рассказ твоего друга, девочка попала в детский дом гораздо раньше, чем стало известно об условиях завещания, и в тот момент она не располагала средствами, достаточными, чтобы оплатить пребывание в интернате. Кроме того, думаю, что все это произошло довольно неожиданно для всех, следовательно, ни о каких предварительных договоренностях с руководством интерната речи быть не может. А без договоренности такого рода ребенок-сирота в подобное заведение попасть не может. Нет, интернат отпадает, это будет только напрасная трата времени. Если Настя после смерти своих бабушки и дедушки попала в детский дом, то это самый обыкновенный детский дом и, скорее всего, именно государственный, а не частный. Впрочем, тут загадывать не будем. Адреса твои я записала, и завтра к вечеру, надеюсь, мы уже будем иметь всю необходимую информацию. Даже если все подозрения твоего друга подтвердятся и кто-то действительно приехал сюда, чтобы заполучить Настю, то для того, чтобы найти ее, этот «кто-то» должен будет пройти тот же путь, что и мы. Следовательно, даже если он нас опередит, мы будем знать об этом, так как все данные о прибытиях и убытиях в детских домах фиксируются. И в государственных, и в частных. Давай воздержимся от гадания на кофейной гуще и дождемся фактов. Кстати, о фактах. Вот что мне хотелось бы знать. Ведь, если верить твоему другу, душеприказчиками по завещанию назначены сотрудники адвокатской конторы...

– Ну да, – с несколько вопросительной интонацией проговорил Кирия, видимо не совсем понимая, к чему я клоню.

– Но тогда и они должны искать Настю. Ведь нужно же им исполнить условия завещания.

– А, вон ты о чем! Ну, конечно, должны. И я даже думаю, что уже ищут. Только все это не так просто делается. Во-первых, они – люди совсем посторонние и об этой Насте слышат первый раз в жизни. Во-вторых, они находятся в другой стране и о российской географии имеют наверняка очень приблизительное представление. То есть, даже если бы они и захотели найти Настю как можно быстрее, они просто не знают, где именно следует искать. Поэтому сначала они пошлют запрос. Потом еще запрос, потом еще... И будут вести эту переписку, пока не получат точный адрес последнего местопребывания девочки. То есть тот самый адрес ее бабушки и дедушки в Тополевке, который у нас с тобой уже есть. Только тогда их агент сможет выехать на место. Учитывая бюрократические проволочки и то, что запрос пойдет по международным каналам, все это займет массу времени. И в результате они получают данные, которые выведенного яйца не будут стоить, потому что девочки там уже давно нет. Так что в этом смысле у нас с тобой и, к сожалению, у возможных недоброжелателей девочки есть очень большая фора во времени. Поэтому если Коля прав и кто-то захочет представить дело так, что девочка требует специального ухода, и под этим соусом переоформить на себя опеку, то у него для этого есть все возможности.

– Но, если я не ошибаюсь, больше всего твой Коля боится, что никто даже и беспокоить себя не будет такими сложностями, как переоформление опеку, а девочку просто попытаются устранить.

– Знаешь, – задумчиво сказал Кирия, – вот этого я почему-то не особенно опасаясь. Конечно, я не в курсе всех этих финских тонкостей по исполнению условий разных там завещаний, но сдастся мне, что если наследник в завещании указан, то он должен быть предъявлен.

А иначе дело просто зависает в воздухе. Теперь смотри, – если эти люди, как ты выражаешься, устранят девочку, то душеприказчикам нужно будет либо сказать, что Настя пропала без вести, либо предъявить труп. В первом случае решение относительно доли наследства, принадлежащей Насте, откладывается на неопределенный срок. Сначала ее начнут искать, потом придумают какой-нибудь срок давности, который должен пройти, прежде чем наследством можно будет распоряжаться... Преступникам все это, конечно, совсем не интересно. Если же они рискнут предъявить труп, то сразу же окажутся в числе подозреваемых, а уж это им, конечно, тем более не с руки. Поэтому я лично больше склоняюсь к тому, что они попытаются оформить какие-то документы, подтверждающие ее недееспособность. Заключение из психушки или что-то в этом роде. Скажут, что, согласно документам, девочке требуется какой-нибудь особенный уход, который могут обеспечить только они, и под этим соусом переведут на себя опеку.

– Но ведь саму-то Настю им придется предъявить! Как они смогут доказать, что ребенок ненормальный, если на самом деле он нормальный?

– Ой, Татьяна, не смей меня! Сейчас столько препаратов... Самого нормального через неделю не то что представить ненормальным, а настоящим психом сделать можно. А уж ребенку-то... много ли надо?

– Но ведь и это тоже... подсудное дело?

– Разумеется. Только попробуй здесь что-нибудь докажи.

– А если они все-таки решатся на убийство?

– Ну тогда это должно быть такое убийство, чтобы комар носа не подточил. Землетрясение или цунами. Обстоятельства, как говорится, непреодолимой силы. В любом другом случае смерть девочки как раз в тот момент, когда ей на голову свалилось наследство, вызовет очень сильные подозрения. И если эти люди не конченные придурки, они, конечно, догадаются, что подозрения эти в первую очередь будут направлены в их сторону. Впрочем, что-то мы с тобой опять ударились в фантазии. Да все о плохом. А завтра, глядишь, и впрямь окажется, что девочка живет себе тихо-мирно в каком-нибудь детском доме и никаких покушений на свое здоровье даже во сне не видит.

– Хорошо бы...

На этой оптимистичной ноте мы закончили разговор со старым другом. Кирия отправился домой, отдыхать после насыщенного трудового дня, а я посвятила остаток вечера тому, чтобы продумать свой завтрашний маршрут таким образом, чтобы и правда не очутиться где-нибудь посреди скоростной трассы с пустым баком.

* * *

На следующее утро, хорошенько заправившись, я отправилась по первому адресу. Нужно мне место находилось в поселке Речные Дали – довольно популярном среди жителей нашего города месте летнего отдыха.

Вести машину по почти пустой в этот утренний час трассе, которая выгодно отличалась от городских дорог отсутствием перекрестков и светофоров, было легко и приятно. Управление автомобилем не требовало особого внимания, и во время пути я раздумывала над тем, под каким же соусом мне подать свое появление в детском доме.

Конечно, в подобных случаях я привыкла импровизировать и действовать по обстоятельствам, но раз уж время есть, неплохо было бы придумать запасную версию.

Я могла бы, например, представиться проверяющим... инспектором каким-нибудь... Сколько, мол, у вас детишек? Ну-ка, списки мне на стол! Кто прибыл, кто убыл. Живо! Впрочем, нет. Думаю, эта идея неудачная. Чтобы «косить» под проверяющего, нужно знать специфику этого дела, а поскольку я не имею ни малейшего представления о том, что именно обычно проверяют разные инспекторы в детских домах, то меня, скорее всего, очень быстро разоб-

лачат. Кроме того, если детский дом существует давно, все эти проверяющие и инспекторы наверняка наведывались туда уже по нескольку раз и всех их знают в лицо. Нет, этот номер не пройдет.

Кем же тогда? Усыновительницей? Тут мне даже стало смешно. Вот уж на кого я буду похожа еще меньше, чем на проверяющую.

А если просто, не мудрствуя лукаво, представить дело, как оно есть? Я, мол, такая-то и такая-то, частный детектив, и попробуйте только не представить мне все нужные сведения. Хм... тоже не очень-то... Ведь все-таки данных пока у меня очень мало, и предыстория путешествия Насти из отчего дома в детский мне практически неизвестна. Мало ли какие могли быть там нюансы... Если действовать нахрапом, пожалуй, только самой себе испортишь всю игру, и вместо того чтобы склонить людей к откровенности, наоборот, закроешь всем рты. Да даже если и нет в этом деле никаких нюансов... просто объяснить, почему именно мне нужны те или иные сведения, – это же целый день займет. А мне еще в два места нужно сегодня успеть. И там тоже не просто время провести, а информацию получить...

За всеми этими раздумьями я вдруг совсем неожиданно вспомнила умильную рожицу маленького пушистого котенка, которого мне не далее как вчера так настойчиво пытались подарить. Так вот же оно! Легенда сложилась в голове моментально. Я – владелица небольшого кошачьего цирка, который за определенную плату дает выездные представления для детей. В детских садах или, например, детских домах. Такое легкое подражание Юрию Куклачеву. Масштабы, конечно, поменьше, но тем не менее... А детишкам очень нравится. Да и как оно может не понравиться? Кошки такие пушистые... и красивые... и вообще... А подробности можно будет додумать уже по ходу дела. Например, что сначала это был приют для животных, а потом мы заметили у некоторых кисок выдающиеся способности... Ну, в общем, что-то в этом роде.

Идея мне очень понравилась. Правда, не совсем понятно было, каким образом, пользуясь этой идеей, я смогу добыть сведения о прибывших и убывших воспитанниках, но это уже было делом техники. Например, я могу сказать, что хотела бы спросить у самих ребят, нравятся ли им кошки, а уж под это дело начнутся знакомства, разговоры... В чистых детских душах нет места лукавству, и из разговора с детьми я, вполне возможно, смогу получить гораздо больше нужных сведений, чем из разговора с их воспитателями. В общем, сориентируемся.

В таком бодром настроении я прибыла к первому пункту своего назначения.

Загородный поселок изобилует всевозможной растительностью, нужный мне коттедж тоже буквально утопал в зелени. Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, я оставила машину под деревьями неподалеку, а к дому подошла пешком.

Взорам моим предстали наглухо запертые массивные железные ворота и такая же, под стать им, калитка. Рядом с калиткой на кирпичной стене располагалась кнопка звонка, но прежде чем позвонить и начать рассказывать историю о кошачьем театре, я решила немного осмотреться. С этой целью я отправилась вдоль забора, который представлял собой кирпичную стену с вделанными в нее коваными решетками.

Сквозь ажурные решетки хорошо просматривалась большая часть огороженной забором территории, и прошло совсем немного времени, как я увидела небольшую полянку с песочницей, где резвилось несколько малолетних обитателей интересующего меня заведения.

По возрасту они не дотягивали до той категории, которая мне требовалась, но зато общение с ними могло оказаться полезным с другой стороны. Учитывая, что моим потенциальным собеседникам должно было быть приблизительно от семи до девяти лет, я могла надеяться на то, что в ответ на все интересующие меня вопросы услышу правду, только правду, и ничего, кроме правды. Поэтому я решила при первой же удобной возможности войти в контакт с кем-нибудь из этих милых детишек. Но возможность такая представилась не сразу.

Дети играли с котенком, и занятие это было таким увлекательным, что они даже не замечали меня. По-видимому, они готовили его в космонавты. Именно эта мысль пришла мне в

голову, когда я повнимательнее пригляделась к их манипуляциям. Бедное животное катали из стороны в сторону в песочнице, потом его клали в ведро и катали уже в ведре, потом его таскали туда-сюда на руках, причем так, что голова несчастного котенка болталась где-то внизу, а тоненький крысиный хвостик вертелся из стороны в сторону прямо перед курносым носом юного садиста.

Что значит состояние космической невесомости после такой тренировки? Да это ж плевое дело!

«Однако... – подумалось мне. – Не знаю, не знаю... Не знаю, решила ли бы я привезти сюда кошачий цирк, если бы таковой действительно находился в моем ведении. Этак они, пожалуй, всех артистов замучили бы».

Между тем, наигравшись с котенком, один из мальчиков наконец обратил на меня внимание. Я поспешила воспользоваться этим.

– Мальчик, – растянув рот до ушей в самой доброжелательной из своих улыбок, обратилась к нему я, – как тебя зовут?

– Миша, – ответил мальчик, пытливо и с неподдельным интересом разглядывая меня, словно прикидывая мысленно, а нельзя ли и меня покатать в песочнице, засунув в ведро.

– Миша? Очень хорошо. Миша, а ты не мог бы позвать мне Настю, – просто и без ненужных комментариев попросила я.

– Чичас, – молвило дитя, после чего завопило так, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки: – На-а-ась!!!

«Неужели удача? – застыв в параличе под натиском оглушающих децибел, робко подумала я. – Вот так вот, с первого раза... в первом же детском доме...»

Но очень скоро я убедилась, что победа не будет такой легкой. Из-за кустов, растущих неподалеку, показалось создание в розовых штанишках, по возрасту очень близкое к Мише, с двумя хвостиками на голове, заколотых огромными заколками, на которых были и цветы, и бантики, и еще невесть что.

– Нет, Мишенька, мне нужна не эта Настя. Настя Колобкова, из старшей группы, ее ты можешь позвать?

– У нас только эта, – честно ответил Миша.

– А ты ничего не путаешь? – продолжала приставать я. – Она совсем недавно к вам поступила, может, ты просто не знаешь?

– Я всех знаю.

– Ну тогда ты должен знать – Настя Колобкова, ей двенадцать лет...

– Двенадцать лет только Кате Зверевой, больше никому. Егорке тринадцать, а Максиму только девять. А остальные у нас маленькие.

– Да?

– Да.

– Хм, странно. А мне сказали, что Настя Колобкова к вам недавно поступила...

– Нет, новеньких давно не было. Прошлой осенью только взяли Сашку, но он совсем салага, – солидно рассказывал девятилетний Миша. – Его еще из соски кормят.

Настаивать дальше не имело смысла. Мне было кое-что известно о семейных детских домах. Я знала, что их потому и называют семейными, что дети там не разделены на возрастные группы, а живут все вместе, как одна семья. Если бы в таком тесном кругу появился новый человек, об этом, разумеется, знали бы все. В том числе и Миша.

Что ж, не все сразу.

Оставив в покое бойкого Мишу, который, подняв с земли какую-то палку, начал из нее расстреливать подросшую Настю, я отправилась к своей машине. Беседовать с персоналом не имело смысла, все было и так ясно. К тому же, в отличие от Миши, который, не задавая никаких вопросов, выложил мне, как на духу, всю подноготную, сотрудники могли впасть в

подозрительность, и еще совсем не факт, смогла ли бы я получить от них такую исчерпывающую информацию, даже используя басню о кошках. Можно сказать, что мне повезло.

Я завела мотор и поехала в противоположный конец города, точнее, загорода, по второму адресу. Времени было много, и я задумалась над одной проблемой, которая не давала мне покоя с самого начала поисков. Если Настя находится в одном из детских домов, могут ли быть у персонала этих домов причины скрывать факт ее присутствия?

Вопрос был не праздный. От ответа на него зависело, насколько глубоко мне предстоит копать. Могу ли я ограничиться официальными сведениями о прибывших и выбывших или мне придется выяснять, нет ли в этих детских домах кого-то, кто в списках не значится?

Поразмыслив об этом, я пришла к выводу, что скрывать факт присутствия Насти не имело резона. Ведь в тот момент, когда она попала в какой-то из детских домов после смерти своих бабушки и дедушки, никто не знал, что она – наследница огромного состояния. Да в тот момент она еще и не была наследницей. Ведь Дмитрий Колобков в то время был еще жив. Между прочим, получалось, что девочка попала в детский дом при живом отце? Заинтересовал ли кого-нибудь этот факт? Или все так и решили – если живет с бабушкой и дедушкой, значит, у нее никого больше нет? Пытался ли кто-то связаться с Дмитрием? Конечно, он в это время уже был серьезно болен, но все-таки...

Все это тоже были весьма интересные вопросы, которые могли изменить ход расследования. Но пока сосредоточимся на решении задачи-минимум. Сейчас я должна навестить частные детские дома и удостовериться либо в том, что нигде Настя Колобкова не появлялась, либо в том, что она находится в одном из них в добром здравии.

Во второй раз мне не повезло так, как в первый. Здание, в котором располагался детский дом, по всей видимости, было переделано из какого-то административного учреждения или из бывшего помещичьего дома. Оно выходило фасадом прямо на улицу, поэтому шансов подстеречь словоохотливых детишек, играющих во дворе за прозрачными решетками, у меня не было. Правда, играющие детишки имелись и здесь, но они играли прямо на улице, перед входом в здание, под бдительным присмотром наставников.

– Могу я поговорить с заведующей? – обратилась я к одной из женщин, которые наблюдали за детьми.

– А что вы хотели?

Начинается!

Но я никак не выразила своей досады внешне. Напротив, я вся расплылась в улыбке и, доверчиво глядя в глаза бдительной охраннице, начала рассказывать про кошачий театр. Послушав меня минут десять, женщина наконец убедилась, что я не планирую захватить в заложники ни заведующую, ни ее подопечных, и объяснила, как пройти в нужный кабинет.

– Юлия Сергеевна, – сказала она на мой вопрос о том, как зовут заведующую.

Юлия Сергеевна оказалась весьма миловидной и довольно молодой женщиной, которая, в отличие от подозрительной смотрительницы, не усмотрела в моем появлении никакого подвоха и пришла от моего предложения привезти деткам кошек в полный восторг.

– Ах, это было бы просто чудесно! – с сияющими глазами говорила она, и у меня сформировалось устойчивое убеждение, что самый большой ребенок в этом заведении – сама заведующая. – Вы знаете, я сама очень люблю кошек. С детства. И эти представления... Куклачева... знаете, наверное?

– Конечно.

– Конечно, мы могли смотреть только по телевизору, ведь у нас в Тарасове... представьте, я и не знала, что у нас есть что-то подобное...

– Ну, мы начали выступать, так сказать, с гастролями совсем недавно, – поспешила я устранить скользкий момент. – Сначала это был просто приют. Но наши сотрудники... если бы вы знали... это такие энтузиасты! Вы себе представить не можете! Они буквально творят

чудеса. Ведь известно, что кошки не особенно-то поддаются дрессировке. Но наши ребята, они столько времени проводят с животными... начали замечать за некоторыми кое-какие способности, ну и... вот. Стали развивать, и в конце концов добились того, что получилось целое представление...

Я говорила без умолку, в то же время мучительно думая о том, как же мне с этих кошек перейти на списочный состав питомцев детского дома. Но о своих питомцах заговорила сама заведующая.

– Да, я думаю, ребяташкам очень понравится. Ведь у нас в основном малыши. Старших мы недавно выпустили, трех человек, все поступили, учатся, – с гордостью говорила она. – Смогли поселить их в общежитие, сейчас ведь с жильем, сами знаете... Вот, вырастают – у нас им находиться как бы и по статусу уже не положено, а отпускать так, в никуда – иногда все сердце за них изболится...

– Так теперь у вас только маленькие остались? – попыталась я вернуть беседу в нужное мне русло.

– Ну да. Самый старший у нас сейчас Коля, ему четырнадцать лет...

«Не такие уж и маленькие», – подумала я и решила прозондировать этот вопрос как можно тщательнее.

– Четырнадцать? Ну что ж, не такой уж и взрослый. Надеюсь, представление ему тоже понравится. А остальные, значит, еще младше?

– Да, Ксюше двенадцать лет, Ирине десять. Еще у нас есть два брата-близнеца, ребята зовут их братья Гримм, они рыжие и веснушчатые ужасно. Им по одиннадцать лет. Ну, а остальные и того младше. Машеньке пять, Игорьку четыре...

Юлия Сергеевна говорила о своих воспитанниках с неподдельной любовью и большой охотой, и я уже начала опасаться, что узнаю не только списочный состав ее подопечных, но и все их биографии. Это в мои планы не входило. Я убедилась, что и в этом детском доме Насти Колобковой нет и, в принципе, делать здесь мне больше было нечего.

– Ну что ж, рада, что вас заинтересовало наше предложение, – пыталась я ненавязчиво дать понять, что пора закругляться. – Давайте обменяемся координатами, чтобы потом мы смогли уточнить, в какое время нам лучше приехать.

– Конечно, конечно...

Я записала телефон детского дома, а Юлия Сергеевна записала мой. Сначала я хотела дать какой-нибудь выдуманный номер, но, представив себе, что это дитя с сияющими глазами попадет в какую-нибудь мужскую баню и спросит там о кошачьем цирке, не решилась совершить такой жестокий поступок. Так уж и быть, пускай звонит мне... сокру что-нибудь. Скажу, например, что артисты объелись несвежими сосисками, так что теперь маются животами и выступать не могут.

Было уже около четырех часов дня, и я ехала по последнему адресу. В то самое заведение на Лесной, на которое Киря рекомендовал мне обратить особое внимание.

Здание детского дома здесь тоже выходило своим фасадом на улицу, но габаритами намного превышало два предыдущих. Вообще очень скоро я смогла убедиться, что в этом детском доме все по-взрослому. Бросив беглый взгляд на ограду, которая начиналась от самых стен здания, я увидела, что она отнюдь не прозрачная. Более того, по верху ограды шел ряд заостренных кованых прутьев, через которые смогли бы пробраться на территорию разве что птицы.

«Не хватает только вышек и колючей проволоки», – подумалось мне.

Разумеется, на входе располагался непрошибаемый охранник.

– Я бы хотела поговорить с заведующей.

– По какому вы вопросу?

– По личному.

– Документы, пожалуйста.

Я не стала рассказывать охраннику о кошках. Во-первых, это его совсем не касалось, а во-вторых, учитывая специфику заведения, думаю, я была далеко не первой, кто обращался сюда по личному вопросу. Люди, которые хотели, например, усыновить ребенка или, наоборот, сдать его в детский дом, вряд ли делились всеми подробностями с охраной. Поэтому я решила, что такой способ проникнуть в здание будет наиболее легким и естественным, а уж с заведующей можно будет поговорить и о кошках.

Предъявив охраннику права и получив подробную консультацию, на какой этаж подниматься и куда поворачивать, я отправилась в кабинет заведующей.

Что-то подсказывало мне, что отличия этого детского дома от двух предыдущих на этом не закончатся, и я оказалась права – в приемной сидела секретарша. Совсем молоденькая девочка, возможно из бывших воспитанниц этого же дома, она тоже не стала расспрашивать меня, услышав, что я по личному делу.

– Одну минуту, – сказала она, скрывшись в кабинете.

Снова появившись в предбаннике, она сообщила, что я могу войти.

Едва только увидев заведующую, я сразу поняла, что рассказ о кошках не стоит даже начинать. Гладко зачесанные волосы, узкие губы и внимательные серые глаза, которые, казалось, читали в вашем сердце «вся тайная и сокровенная». Заведующая еще не смотрела на меня и двух секунд, а мне уже казалось, что ей известны не только мое имя и фамилия, но даже номер лицензии.

Да, о кошках говорить здесь не стоило, но других заготовок в моем арсенале не было, и под пытливым взглядом заведующей, начисто парализовавшим мои мыслительные способности, ко мне не приходило ни одной спонтанно-гениальной идеи, которые так часто выручали меня в подобных случаях.

Пауза затягивалась, а я все не могла придумать, как же мне объяснить свое появление здесь.

«А, была не была! Скажу как есть, – решила я. – Посмотрим, как она отреагирует. В конце концов, если ее реакция мне не понравится, существуют и другие способы...»

– Я частный детектив, – с места в карьер начала я. – По поручению своего клиента я разыскиваю девочку, Настю Колобкову...

Стараясь не вдаваться в подробности, я как смогла коротко изложила историю, которую рассказал мне Семенов, чтобы у этой проницательной заведующей, если ей действительно нечего скрывать, сформировалось убеждение, что мое посещение – это не праздная прогулка и сведения, которые я хочу от нее получить, мне действительно необходимы.

Она слушала очень внимательно, все так же не проронив ни слова, и, когда я закончила, сказала:

– Нет, такой девочки у нас нет. Вообще воспитанники старших групп в нашем учреждении – это по большей части те, кто перерос младшую. Мы стараемся не брать детей в таком возрасте: они хуже адаптируются. Кроме того, у нас сейчас полный комплект, и в течение последнего года мы вообще не принимали детей. Возможно, мы сможем принять кого-то будущей весной, когда выпустится старшая группа, но не раньше. Боюсь, я ничем не смогу помочь вам.

– Но вы наверняка встречаетесь с другими... как бы это сказать... ну, в общем, с представителями той же профессии, беседуете, обмениваетесь информацией... Постарайтесь вспомнить, может быть, вы слышали где-нибудь это имя? Настя, Настя Колобкова.

– Нет, – ответила моя собеседница, даже не пытаясь сделать вид, что вспоминает. – Если бы я слышала, я бы запомнила.

Я поняла, что аудиенция закончена. Но раз уж мое инкогнито все равно было раскрыто, я оставила немногословной заведующей свой телефон, с тем чтобы, если она что-нибудь услышит о Насте, сообщила бы мне. Неизвестно, насколько искренним было обещание заведующей

позвонить при первой же возможности, но сама я, разумеется, и не думала ограничиваться теми скудными сведениями, которые получила от нее. Уже в предбаннике, когда я выходила из кабинета, у меня наметились два возможных направления действий. Во-первых, можно было поговорить с самими воспитанниками, благо мои передвижения внутри здания никто не ограничивал и, пройдя бдительный фейсконтроль, я могла бродить, где мне вздумается. Ну и, во-вторых, можно было попытаться тайно проникнуть в кабинет заведующей и просмотреть там списки воспитанников, а возможно, и еще какие-нибудь интересные документы...

Не успела я отойти и двух шагов от ее кабинета, как поняла, что мне представляется отличнейший случай воплотить в жизнь одно из намеченных направлений.

По всему зданию разнесся пронзительный звонок, по всей видимости призывающий учеников в классы. Я тут же вспомнила, что, когда я училась в школе, директриса вела уроки наравне с прочими учителями. Почему же заведующая детским домом не может поступать так же? Постаравшись занять как можно менее заметную позицию, которая оставляла бы в поле моего зрения дверь кабинета, из которого я только что вышла, я стала наблюдать. И действительно, через минуту из двери вышла заведующая, а еще минут через десять смылась куда-то и секретарша.

«Пока кошки нет, мыши могут порезвиться», – думала я, с оглядкой приближаясь к двери.

Разумеется, я не захватила с собой в это путешествие специальных средств. Но, осмотрев замок, я поняла, что смогу обойтись и без отмычек. Булавка и пилочка для ногтей – вот все, что понадобилось мне для проникновения в предбанник.

Учитывая, что среднестатистическая продолжительность школьного урока составляет сорок пять минут, а также то, что секретарша ушла не сразу после звонка, я предположила, что «чистого времени», в течение которого риск быть обнаруженной минимален, у меня минут двадцать. Поскольку нужные документы предстояло еще поискать, приходилось торопиться.

Замок самого кабинета был посложнее, но в конце концов мне тоже удалось справиться с ним с помощью подручных средств.

Оказавшись в кабинете, я первым делом ринулась к ящикам стола. По моему прошлому опыту, наиболее важные документы обычно находились именно там. Ящиков было четыре – три сбоку и один под столешницей. Однако, осмотрев их содержимое, я не обнаружила ничего интересного. Было несколько классных журналов, изучать которые не имело смысла, поскольку наверняка там была зафиксирована только часть воспитанников детского дома, кроме этого, попадались платежки, ведомости на зарплату и прочая дребедень, никак не относившаяся к тому, что мне было нужно.

Роясь в ящиках, я то и дело беспокойно поглядывала на массивный сейф, стоявший в углу и наглухо запертый, в котором тоже что-то лежало. Не будут же они запирают пустой сейф... И вполне возможно, что именно там и находились нужные мне документы. Но забраться в сейф было нереально. И времени не хватит, да и не обойдусь я здесь булавкой.

Но неужели список воспитанников она хранит в сейфе? Да быть этого не может!

Тем временем ящики стола были перерыты, но того, что мне требовалось, я там не нашла. Кроме стола, наиболее вероятным, по моему мнению, местом для хранения документов (кроме сейфа) был еще большой шкаф, расположенный у стены. Взглянув на часы, я открыла дверцу. На все про все у меня оставалось десять минут.

Внутри шкафа внимание мое сразу же привлекли несколько толстенных тетрадей, стоявших наподобие книг в книжном шкафу, на одной из полок. Вынув первую из них, я прочитала: «Журнал прибытия и выбытия, 1992».

Есть!

Несомненно, вынутая мною тетрадь отражала прибытие и выбытие воспитанников в самый первый год существования этого заведения. Разумеется, эти данные меня интересовали

мало. Вытащив самую крайнюю, последнюю из тетрадей, я стала просматривать записи, начиная с января прошлого года. Чтобы как-нибудь невзначай чего-нибудь не упустить, я взяла период несколько с запасом, хотя на это, конечно, требовалось больше времени.

Впрочем, записей оказалось не так уж много. Похоже, заведующая не врала. Пролистав несколько страниц назад и просмотрев даты, я обнаружила, что «прибытия» и «выбытия» происходят как бы волнами – в некий период времени поступает достаточно большая группа воспитанников, и потом, до следующей даты, проходит достаточно много времени. Это тоже подтверждало слова заведующей о том, что они набирают новых воспитанников по мере выпуска старших групп. Случаи поступления детей между этими «волнами», если верить журналу, были довольно редкими, и Насти Колобковой среди них не значилось.

Что ж, с этим все ясно. Если только этот детский дом не занимается тайной продажей младенцев на органы и не ведет еще каких-нибудь дополнительных секретных списков, то делать мне здесь больше нечего.

Посмотрев на часы, я обнаружила, что уже превысила отведенный себе лимит на целых пять минут, и поняла, что мне необходимо в спешном порядке ретироваться.

Поставив тетрадь на место, я выскользнула из кабинета и, немного повозившись, закрыла дверь, которая и изнутри, и снаружи запиралась ключом. Дверь из секретарской просто захлопывалась и, несомненно, для меня в этом заключалась большая удача, поскольку лишь только я оказалась в коридоре, как тут же услышала чьи-то голоса.

Чтобы не попасться на глаза тому, кто вот-вот должен был показаться из-за угла в коридоре, мне пришлось бежать. Нырнув в небольшую нишу с окном, я услышала щелканье замка и поняла, что это вернулась секретарша в сопровождении каких-то своих подружек. Если бы мне пришлось и дверь предбанника запирать с помощью пилочки и булавки, меня, конечно, обнаружили бы.

Довольная, что все так удачно обошлось, я стояла в нише и ждала звонка с урока, чтобы в толпе мои перемещения и выход из здания не привлекли большого внимания.

Ждать мне пришлось недолго. Звонок прозвенел, коридоры наполнились шумом и людьми, и я могла спокойно удалиться.

Последний из адресов, которые дал мне Кириянов, был проверен, и это снова ничего не дало. Что ж, надеюсь, Кире повезет больше.

В общем-то, я и сама более склонна была думать, что Настя, самая обыкновенная девочка из малюсенькой деревушки, скорее всего, попала именно в государственный, а не в частный детский дом. Во-первых, частное заведение есть частное заведение, и даже если это детский дом, как-то сомнительно, что воспитанников туда так и берут – прямо с улицы. А во-вторых, поскольку частные заведения менее зависимы от разнарядок и имеют возможность выбирать, то, как верно подметила заведующая детского дома на Лесной, он будут стараться принимать детей младшего возраста. А Насте уже больше. Возраст для быстрой адаптации не очень подходящий.

За этими размышлениями я незаметно доехала до дома.

Было уже около шести часов вечера – время, когда не только стандартный рабочий день, но и ненормированный день подполковника милиции Кириянова должен был уже заканчиваться.

С минуты на минуту я ждала звонка. Он и прозвенел очень скоро.

– Ну что, Татьяна, как твои успехи? – бодрым голосом, не предвещавшим никаких плохих новостей, спросил Киря.

– Успехи не великие. Объехала все твои адреса, везде пусто. На Лесной даже имела случай самолично просмотреть списки прибывших и убывших...

– Тебе и списки показали?

– Ну... в общем... в каком-то смысле. И вообще, дело не в списках, а в том, что никакая Настя Колобкова в них не значится. Так что либо сотрудники этих детских домов имеют какие-то очень веские причины скрывать ее присутствие там, либо... либо ее там просто нет. Поэтому я надеюсь, что сам ты сможешь рассказать о своих успехах что-нибудь более интересное.

В трубке возникла небольшая пауза, после которой я услышала следующее:

– Увы, о своих успехах могу тебе рассказать то же самое. Настя Колобкова не зарегистрирована ни в одном из наших тарасовских государственных детских домов.

Глава 3

Признаюсь, эта новость оказалась для меня полной неожиданностью. Как бы там ни было, но, даже учитывая вполне реальную возможность того, что нехорошие предчувствия Николая Семенова могут оправдаться, я все-таки больше склонялась к тому, что основная их часть продиктована эмоциями. Узнал, что маленькая девочка, дочь близкого ему человека, осталась совсем одна, узнал, что ей грозит большое наследство, на которое положили глаз другие люди, да к тому же еще и не сумел найти ее с первого захода, – вот и расстроился.

Я была почти уверена, что наши с Кирей совместные усилия помогут разрешить проблему в самое ближайшее время. Но этого не произошло.

– Что ты молчишь? – раздалось в телефонной трубке.

– Думаю.

– А что тут думать, на это уже времени нет. Коля-то, похоже, оказался прав. Если эта самая Эльвира или какие-нибудь ее агенты (учитывая, что сама она уже довольно долго живет за границей и от местных порядков отвыкла, агентов нельзя исключать), в общем, если кто-то действительно охотится за девочкой, мы должны торопиться. Точнее – ты. Я, сама понимаешь, тут немного могу. Ведь официально расследование не начато. И, увы, не может быть начато, пока...

– Труп не найдут?

– Типун тебе на язык! Смотри, перед Николаем что-нибудь вроде этого не ляпни. Его тогда вообще инфаркт тукнет.

– Не ляпну, – угрюмо буркнула я, пытаюсь сообразить, что же мне сейчас нужно сделать. – Значит, так. Сейчас я отзвонюсь этому твоему Николаю, и если он согласен, то, видимо, придется начать расследование...

– Разумеется, он будет согласен! Ты, главное, не медли. Завтра же, прямо с утра...

– Учить меня будешь?

– Ладно, не заводись. Беспокоюсь же... Самой-то тебе неужели все равно?

– Не все равно. Поэтому и нечего указывать мне, что делать.

Положив трубку, я позвонила Семенову не сразу, а только после того, как выкурила сигаретку-другую и придумала, как представить дело таким образом, чтобы его и в самом деле не «тукнул» инфаркт.

– Вполне возможно, что мы пошли по неверному пути из-за неточности информации, – успокаивающе говорила я. – Вы вообще откуда получили сведения о том, что Настя в детском доме?

– От соседей.

– Ну вот видите! Вполне возможно, что они что-нибудь перепутали или просто не знали подробностей... Завтра я сама съезжу туда и постараюсь разузнать все более точно. Но... это будет означать, что я начала расследование, поэтому... мне потребуется небольшой аванс.

– Разумеется, Татьяна, что за вопрос. Главное – найдите ее.

– Тогда, если вам удобно, мы могли бы встретиться завтра утром, часов, скажем, в девять. Или даже в восемь. Ведь чем раньше я начну действовать, тем быстрее получу результаты.

– Да, хорошо, в восемь меня вполне устроит.

– Ну что ж, прекрасно. Еще один вопрос. Вы смогли связаться со своим другом в Финляндии?

– Да, я говорил с ним. Объяснил ситуацию. Он сказал, что узнает, что можно сделать, но надежды на успех мало. Все-таки содержание завещаний – это сугубо частная, так сказать, интимная информация, и адвокаты делятся ею очень неохотно. Точнее сказать, вообще предпочитают не делиться. Ведь если кто-то узнает, что они не соблюдают условий конфиденци-

альности, контору можно будет закрывать. Единственная надежда здесь на то, что завещание уже официально оглашено и для родственников не является тайной. Но в том-то и дело, что мы-то – не родственники... В общем, не знаю, будем надеяться на то, что ему удастся уговорить их, этих адвокатов. Между прочим, прежде чем начать уговаривать, их еще предстоит найти. Ведь не одна же единственная там адвокатская контора... Я дал ему кое-какие наводки, надеюсь, это поможет.

– И я тоже очень на это надеюсь. Могу сказать вам, что если бы мы сейчас знали в точности условия завещания, мы могли бы с гораздо большим основанием утверждать или опровергать предположение о том, что Насте кто-то хочет навредить. Ведь если интересы девочки оговорены четко и предусмотрены все нюансы, то нет никакого смысла пытаться навредить ей. Если же в завещании имеются, так сказать, лазейки... тогда тем более нам необходимо знать его условия. Ведь в зависимости от того, каковы эти лазейки, будут строиться и планы... – Я хотела сказать «преступников», но вовремя удержалась. – ...планы тех, кто, возможно, хочет завладеть долей наследства, принадлежащей Насте. В общем, Николай, от способностей и расторопности вашего финского друга зависит сейчас очень многое.

– Да, я понимаю...

– Впрочем, вполне возможно, что дело и не зайдет так далеко, – бодрым голосом сказала я, снова уловив в голосе своего собеседника тоскливые нотки. – Надеюсь, кое-что мне удастся выяснить уже завтра.

Мы попрощались, и я снова закурила сигарету.

Пытаясь настроить Семенова на оптимистичный лад, сама я не питала особо радужных надежд. Даже если соседи, от которых Семенов получил информацию, что-то и напутали с этими детскими домами, куда еще могла попасть девочка, у которой умерли последние родственники? Не в Тарасовский детский дом, так в пригородный. А все их мы проверили. И городские, и пригородные, и государственные, и частные.

Но ясно было и то, что не мог вот так испариться в никуда живой человек. Тем более ребенок. Существуют соседи – жители маленькой деревушки, где все на виду, которые, конечно же, были в курсе этой истории. Существует администрация, в конце концов, которая, собственно, и должна была заниматься всеми этими вопросами. Да дайте мне только добраться до них, я из них всю душу вытрясу, но узнаю, куда они подевали девочку!

Самой неприятной из всех мыслей, одолевавших меня, была та, что если в тот момент, когда я впервые услышала историю о Насте Колобковой, было два варианта развития событий – наилучший и наихудший, то теперь остался только один. Наилучшим вариантом было бы то, что Настя живет себе преспокойненько в одном из детских домов города Тарасова. Наихудшим – что ее труп гниет сейчас в каком-нибудь овраге среди пригородных лесопосадок.

Первый из этих двух вариантов был разработан, проверка дала отрицательный результат. Оставался только второй. Поэтому моя задача сейчас сводилась, пожалуй, не столько к тому, чтобы найти саму Настю, сколько к тому, чтобы выяснить, как она, минуя все официальные каналы и учреждения, очутилась в лапах своих недоброжелателей. Ну и, разумеется, к тому, чтобы прижать к ногтю самих этих недоброжелателей и не оставить без наказания это гнусное преступление.

Этим я завтра и займусь.

Так и не придумав ничего такого, что могло бы улучшить мне настроение, я посмотрела вечерние новости и отправилась спать.

* * *

На следующее утро, ровно в восемь часов в дверь моей квартиры позвонили. На пороге стоял мой новый клиент все с тем же озабоченным выражением лица.

Еще раз повторив свою просьбу приложить все усилия и как можно быстрее найти девочку, он выплатил мне вполне приличный аванс и пообещал, в случае надобности, добавить к этой сумме столько, сколько будет необходимо.

После этого он почти сразу ушел, сказав, что не хочет меня задерживать и мешать.

Уладив финансовую сторону, я стала собираться в путь, в Тополевку. Хотя мне еще ни разу не доводилось бывать в этом населенном пункте, но направление было мне известно, так же как и адрес дома, где жила Настя со своими дедушкой и бабушкой до тех пор, пока они не умерли. Поэтому заблудиться я не боялась.

Поразмыслив над тем, стоит ли мне уделять какое-то особенное внимание своему туалету, я пришла к выводу, что это необязательно. Форма одежды – рабочая. Джинсики, маечка. Для деревни вполне сойдет. В этот раз я не собиралась изображать из себя ни менеджера кошачьего цирка, ни представителя санэпидемстанции, ни кого бы то ни было еще. Правда, только правда, и ничего, кроме правды. Сегодня мое оружие – быстрота и натиск. Пускай только попробуют увильнуть от ответов на мои вопросы! Все под одну статью пойдут!

Но если своему костюму я не собиралась уделять повышенного внимания, то техническое вооружение продумала с большой тщательностью. Уже имея опыт посещения детского дома на Лесной, когда в нужный момент у меня не оказалось под руками отмычек, на сей раз я решила подготовиться основательно. Ведь, кроме всего прочего, я собиралась навестить администрацию. И никто не гарантировал, что, даже учитывая весь мой натиск, я получу там необходимые сведения. Не исключено, что и в этом случае мне придется осуществить небольшое несанкционированное вторжение...

Просмотрев свой арсенал технических средств, я прихватила с собой набор отмычек, портативную видеокамеру и диктофон, которые можно было использовать незаметно для окружающих, а также нож. Хороший немецкий нож с коротким, широким и очень острым лезвием. Пригодится в хозяйстве. Кто знает, что там ждет меня, в этой Тополевке?

Еще немного подумав, я решила взять и пистолет. С собой таскать его не буду, но в машине пусть лежит. На всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.